Евразийское наследие

EURASIAN HERITAGE

DOI 10.25712/ASTU.2518-7767.2015.01.001

УДК 7.031.1

НОВЫЕ ПЕТРОГЛИФЫ В КОМПЛЕКСЕ РАШААН-ХАД В МОНГОЛИИ

Шишин Михаил Юрьевич

Доктор философских наук, профессор,
член-корреспондент РАХ, искусствовед,
член Союза художников России.

Заместитель директора по науке
Института архитектуры и дизайна
Алтайского государственного
технического университета, заведующий
международной кафедрой ЮНЕСКО.
Россия, г. Барнаул.
shishinm@gmail.com

Статья написана при поддержке гранта
РГНФ – МинОКН Монголии
«Изобразительное искусство Сибири
и Монголии XX – начала XXI веков:
кросскультурное взаимодействие
и влияние художественных традиций»
№ 15-24-03002.

Аннотация

В статье представляются некоторые итоги исследования памятника древнего искусства Монголии Рашаан-хада (Аршан-хада). В частности, рассказывается об обнаружении изображения быка и «танцующего шамана» на ранее описанных камнях археологического комплекса. Предлагается искусствоведческая интерпретация изображений, вносится предложение о дальнейшем исследовании комплекса, его музеефикации и представлении в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Ключевые слова: древнее искусство Монголии, Рашаан-хад (Аршан-хад), образ быка в первобытном искусстве.

Библиографическое описание для цитирования:

Шишин М.Ю. Новые петроглифы в комплексе Рашаан-хад в Монголии // Искусство Евразии. – 2015. – № 1 (1). – С. 10-24. DOI: 10.25712/ASTU.2518-7767.2015.01.001 [Электронный ресурс] URL: <https://readymag.com/u50070366/416035/8/>

В августе 2015 года в живописном месте Хентийского аймака, в сомоне Биндер Монголии прошла российско-монгольская научная искусствоведческая экспедиция, в составе которой были сотрудники института комплексных исследований Большого Алтая Алтайского государственного технического университета и Института искусств и дизайна Улан-Баторского университета культуры. Основным объектом изучения стал памятник древнего искусства Монголии – Рашаан-хад в Хентийском аймаке. Экспедиция была по характеру рекогносцировочная, осуществлялась в рамках совместного проекта двух институтов и главной целью ставила изучение скопления наскальных рисунков и тамгообразных знаков, которые в большом числе были уже давно обнаружены и описаны в специальных статьях. К ним мы еще вернемся ниже, а пока стоит хотя бы кратко объяснить интерес российских и монгольских искусствоведов к древнему искусству Евразии.

Дело в том, что история, художественная культура народов Сибири и Монголии в настоящий момент относится к глубоко волнующим темам художников двух стран. Это приобрело масштабный характер, сложилось даже новое направление в искусстве – неоархаика [1, 2, 9, 14, 15 и др.], которое объединило художников из многих городов Сибири. В их искусстве четко прослеживается апелляция к наскальным рисункам: образы древних писаниц можно встретить у Л. Пастушковой, Н. Рыбакова, С. Лазарева, Н. Третьякова, С. Дыкова и других. А тамги, древнейшие знаки и символы, стали «главными героями» в искусстве не только монгольских художников. Тамги и тамгообразные знаки в искусстве прошлого и современности – столь значительная тема, что ей будет посвящена статья в будущем. Изучая же наследие Рашаан-хада, исследователи хотели выяснить, насколько и чем интересен этот пласт культуры для современных художников, как и с какой глубиной раскрывают они образы прошлого, трансформируются или с документальной точностью воспроизводятся они в картинах, графике и других формах творчества. Многие ответы были получены в ходе экспедиции, поделимся некоторыми любопытными находками, которыми «щедро одарил» Рашаан-хад.

Сначала кратко остановимся на самом комплексе – он явно заслуживает того, чтобы о нем вновь вспомнили, и это мы постараемся обосновать. Описать Рашаан-Хад стоит еще потому, что хотя он и хорошо известен историкам и археологам, но, во-первых, немногие воочию видели его, а во-вторых, в русскоязычной литературе основные публикации о нем увидели свет в конце прошлого века, и к ним мы обязательно обратимся. В современной же научной литературе, той, что доступна на сегодняшний день, можно встретить лишь краткие сообщения и упоминания. Начиная говорить о Рашаан-хаде, стоит сделать акцент на самом названии. Чаще всего в российских источниках он указывается как Аршаан (Аршан)-хад, что не точно с точки зрения грамматики монгольского языка и, поскольку в монгольских научных статьях и других публикациях он указывается как Рашаан-хад, то целесообразно остановится именно на этом названии или, быть может, в скобках указывать название Аршаан-хад.

Название места говорит о многом. Буквально оно переводится «источник (благой, святой)» – рашаан из «скалы» – хад. И это точное название тому природному явлению, которое, видимо, уже давно привлекло к себе людей. Невысокая гора перед большой и богатой долиной украшена в прямом смысле этого слова скалами, которые имеют выразительную форму и разнообразны по цветовым сочетаниям. Рашаан-хад уже сам по

себе привлекателен для художников, формы скал будят фантазию, в них можно увидеть разнообразных фантастических существ, которые будто бы выступают из земли.

Рис. 1-3. Комплекс Рашаан-Хад, Монголия.

Совершенно необыкновенный вид приобретает комплекс в утренние или вечерние часы, цвет скал становится насыщенным, тени густые и вместе с камнями и скалами они придают всему месту таинственность и торжественность. Возникает совершенно явственное чувство, что ты стоишь на пороге храма, а тишина, ароматы степных трав, горящие в лучах остроконечные углы скал еще больше убеждают зрителя в том, что он вступает в мир особый, священный, манифестация Высшего – теофания творится на твоих глазах.

Рис. 4-5. Скалы комплекса Рашаан-Хад, Монголия.

Что касается источника, то он действительно есть, причем очень загадочен по форме. Из главного элемента комплекса – большой скалы в неожиданных местах, непредсказуемо по времени начинает капать вода, что придает месту еще большую таинственность, поэтому древнему и традиционному типу мышления легко было принять божественную особенность места. Столь необычно появлявшаяся вода, конечно же, наделялась свойствами лечебной. И это убеждение живо и поныне, в чем убедились участники экспедиции. На их глазах неоднократно приезжали местные жители за целебной водой.

Не только этим замечателен Рапшаан-хад. Это благодатное место для кочевников. Широкая богатая долина, река, лес, высокие травы, дикие звери и, что немаловажно, месторождение полезных ископаемых (здесь находится одно из крупнейших месторождений кремния, ценнейшего материала для древнего человека) – все это привлекало людей давно, как было доказано еще в палеолите, а в средние века именно здесь находилась ставка Чингисхана, это было его любимое место отдыха.

Таким образом, Рапшаан-хад – это одна из важнейших точек культуро- и антропогенеза в Евразии, и скалы комплекса в буквальном смысле этого слова густо покрыты рисунками, надписями не только на монгольском языке, но и на тибетском, арабском и китайских диалектах.

Рис. 6. Надпись на тибетском языке.

Все это еще ждет своего системного исследования. Пока же, учитывая доступные на сегодняшний день источники, можно сказать, что сделаны серьезные, но далеко не исчерпывающие исследования по Рапшаан-хаду, что мы постараемся аргументировать ниже, и заявленная тема – повод вернуться к комплексу вновь. Поскольку речь дальше пойдет о двух изображениях – наскальных рисунках, обратимся к уже известным и весьма авторитетным источникам о комплексе на русском языке.

Наибольший вклад в изучение Рапшаан(Аршан)-хада в России внесли А.П. Окладников и А.Э. Новгородова. К этому памятнику они обращались неоднократно, и есть статьи, прямо ему посвященные [6, 7, 8, 10, 11, 12].

Очень важно отметить, что приоритет в научном описании и открытии комплекса принадлежит монгольскому историку Х. Пэрлээ (1911–1982). О Рашаан-хаде он написал около десятка статей и выпустил монографию на монгольском языке. К сожалению, она не переводилась на русский язык, и очень ценная информация пока остается доступна немногим специалистам в России. В книге автор сосредоточился на изучении родовых знаков – тамги, проследил их бытование в современных ему условиях и, самое главное, в памятниках археологии и писаницах с петроглифами.

Вклад академика Х. Пэрлээ в изучение Рашаан-хада трудно переоценить. Инициативно он начал исследовать его еще в далеком 1942 г., а системно развернул работы в 1960-х годах. Фокусом научных интересов Пэрлээ были тамгообразные знаки. Рашаан в этом плане – просто энциклопедия. Одним из ключевых элементов комплекса является камень, по форме напоминающий наконечник копья (6,5 x 2,6 м).

Рис. 7. Камень (стела) с тамгообразными знаками.

Он сплошь покрыт подобного рода знаками. Монгольский ученый, археологи из России и других стран уже многое сделали в описании этого камня, но сильное зарастание его мхом и лишайниками, неудобное расположение камня не позволяют рассмотреть его с большой подробностью. Под землей находится большая часть тыльной стороны камня, а на ней у самой поверхности земли четко прослеживается выбивка и тамгообразные знаки. Что наводит на мысль, что под землей могут также находиться изображения. Любопытны и боковые грани камня, где и был обнаружен «танцующий шаман», речь о котором пойдет ниже. Археологические изыскания Х. Пэрлээ стали крепким основанием в работе советско-монгольской палеонтологической экспедиции.

А.П. Окладников пишет, что возглавляемый им палеонтологический отряд посещал Рашаан(Аршан)-хад в 1975 и 1980 гг. Материалы проведенных здесь изысканий он включает в свою книгу «Петроглифы Монголии» [11]. В 1983 г., уже посмертно, увидела свет другая статья ученого «Древнейшие петроглифы Аршан-хада» [10]. В этом же году, но уже в другом сборнике вышла статья другого отечественного исследователя Рашаан-

хада Э.А. Новгородовой [6]. В последующем она в монографии «Древняя Монголия» [7] посвящает этому комплексу заметное место и дает фотографии и прорисовки с основных элементов комплекса. Эти исследования очень важны были для проведенной искусствоведческой экспедиции, потому что давали археологическую оценку объекту, описывали его основные элементы, предлагали датировку. Фактически оба отечественных исследователя сходились во мнении, что рисунки, особенно грани с выбитыми изображениями крупных животных, нужно отнести к каменному веку.

Остановимся на этом элементе комплекса подробнее. Он представляет собой часть камня, обращенную на юго-восток, имеет удобный для изображения наклон к поверхности, достаточно ровный и без крупных трещин и сколов. На нем особенно в косых лучах солнца хорошо читаются три фигуры, относительно которых есть разные точки зрения – это кабаны, быки, носороги [7, 11].

Рис. 8. Грань с «быками-носорогами».

В опубликованных материалах А.П. Окладников видит законченную композицию, с однонаправленными фигурами, описывает контурную выбивку, подчеркнутую отвислость живота, короткие ноги у животных, а у фигуры в верхнем правом углу замечает «...хобот или бивень слона» [10, с. 30].

Рис. 9. Профисовка. А.П. Окладников.

Рис. 10. Фото. А.П. Окладников.

Рис. 11. Профисовка. Э.А. Новгородова.

Сложна по интерпретации фигура, которая находится сразу за ней в одном ярусе, здесь отсутствует изображение головы. Возможно, ее и не было, или, как пишет Э.А. Новгородова, «...трещина в камне разрушила часть ее головы. По плавности линий, простоте и лаконизму рисунка, отсутствию антропоморфных фигур, уточняющих деталей (глаз, ушей) эти изображения более всего напоминают пещерные рисунки из Западной Монголии, фигуры быков мезолитического времени из Кобыстана, а также контурные рисунки из грота Шахты. ...Стиль изображения, сравнение их с кобыстанскими мезолитическими быками, пещерными рисунками Монголии позволяют предположить, что они относятся к мезолиту» [7, с. 53].

Рис. 12. Общий вид грани с изображением «быков-носорогов». Съемка под наклеенной микалентной бумагой.

Собственно при изучении этих древних рисунков и был обнаружен четвертый персонаж композиции – «бык», о котором хотелось бы сказать подробнее

Композиционно он располагается ниже всех, практически у поверхности земли, что наводит на мысль, что грань этого камня может быть больше, часть ее находится еще в земле. Профессиональная, археологическая расчистка камня, вероятно, откроет еще что-либо.

«Быка» нелегко было обнаружить, во-первых, из-за толстого слоя лишайника, даже на фотографии, приведенной в книге А.П. Окладникова, видна граница зарастания.

Фигура стала проявляться после того, как петроглиф над ней смочили водой, тогда в утренних косых лучах солнца проявился контур нового изображения. Смачивание водой и легкая расчистка от грязи и лишайника капроновыми щетками помогли выявить весь рисунок.

Приводимая копия на микалентной бумаге открывает интересный образ. Не имея профессиональных навыков, мы не беремся давать хронологические оценки образу, поделимся лишь собственными, преимущественно искусствоведческо-стилистическими размышлениями, которые, возможно, помогут при дальнейшем изучении и самого «быка», и камня в целом. Конечно, сам рисунок требует дальнейшей расчистки от лишайников и пыли, вполне вероятно, что появятся уточняющие детали и в самом «быке», и рядом с ним. Есть в открытом рисунке то, что сближает его с тремя уже описанными фигурами. Такой же плавный красивый обвод читается в голове быка, корпус же выполнен в более жесткой «прямоугольной форме».

*Рис. 13. Четвертая фигура.
«Бык-бизон».
Съемка под наклеенной
микалентной бумагой.*

*Рис. 14. Бык. Калбак-Таш.
Республика Алтай.*

В этой части он стилистически близок к быкам из Калбак-Таша (Республика Алтай) и Цагаан Сала (Баян-Ульгийский аймак Монголии).

Голова – особенно выразительный элемент в рисунке, здесь четко очерчен глаз со зрачком. Мы не настаиваем в плане датировки ни на чем, но ближайшие в стилистическом (а не в территориальном) плане – это головы бизонов из Алтамыры. Гравировка рисунка глаза найденного быка сходна и с рельефом «Головы Бизона» с рельефа на роге или кости [5, с. 87].

Рис. 15. Голова бизона.

Рис. 16. Бизон.

Абрис головы говорит о многом. Во-первых, скорее всего прообразом для древнего художника был бизон. Анатомические особенности – высокая посадка головы, более длинная шея, «скуластость» характерны для тура-коровы, а бизону как раз присущи низкая посадка головы и типичное расположение рогов [3].

Голова несет стилистические признаки «древней натуралистичности», что, быть может, поможет датировать изображение. «Художника», учитывая условия, что ему пришлось высекать камнем по камню, стоит оценить как высоко одаренную личность, с большой точностью он высекает не только глаз, но и раздувшуюся ноздрю. Чувство пропорциональной гармоничности помогает ему точно определить место глаза в контуре головы, сделать его красивым очерком. Вероятнее всего, после более детального изучения и расчистки фигуры можно будет и понять лучше пятно, которое условно было названо «язык». Его появление весьма обосновано – известно, что язык и «горб» бизона относились к лакомствам в каменном веке. Что касается фигуры, то выскажем предположение, что здесь была уже «другая рука», а может быть, и другое время. Высечка, особенно по верхнему контуру, кажется глубже и тоньше и, возможно, выполнена более острым предметом. Нет «выгнутости» живота, и нижняя линия, также углубленная, почти по «прямой» движется к голове. Вероятно, при более тщательном исследовании рисунка станет понятна и «незавершенная» пробивка на спине, отчасти напоминающая линию, очерчивающую поклажу на спине в каноническом сюжете «перекочевок». Словом, «бык-бизон» еще полон загадок, но и безусловно наделен высокими художественными достоинствами. Это трудно отрицать, как и то, что он

«завершает» композицию (быть может, ее часть), и не три, а четыре фигуры создают композиционно целостный образ. Перейдем теперь к рисунку, который был условно назван «танцующий шаман» и так же, как «бык-бизон», не был воспроизведен в указанных публикациях А.П. Окладникова и Э.А. Новгородовой, и в книге Х. Пэрлээ он не обозначен [12]. Название заключено в кавычки не случайно, вопрос подробной интерпретации образа впереди и в силу сложности, и из-за затруднения его прочтения при сильном зарастании лишайником. Он был случайно обнаружен в толстом слое органики, лишь в скользящих солнечных лучах, хорошо осветивших объект в полуденное время. При смачивании водой и легкой расчистке, при наложении двух слоев микалента сюжет проявился достаточно хорошо.

Рис. 17. Фрагмент стелы. «Танцующий шаман». Съемка под наклеенной микалентной бумагой.

Рис. 18. Танец орла. Исполняет боец перед состязаниями. Монголия.

Рис. 19. Танец орла. Исполняют борцы перед состязаниями. Монголия.

Фигуру охватывает сильный энергичный контур. Мужская фигура показана в фас, руки широко раскинуты, ноги согнуты в коленях, корпус чуть сдвинут относительно оси влево. Подобного рода фигуры обнаружены многими археологами, наиболее близкий и стилистически, и территориально образ лучника опубликован А.П. Окладниковым [11, с. 53].

*Рис. 20. Фото А.П. Окладникова.
Писаница Хавцгайт.*

Рассмотрим «танцующего шамана» внимательнее. Отличия между ним и лучником с писаницы в Хавцгайте очевидны, и не только в тщательности проработки контура, расположении лука и микродвижении корпуса. Не будет, видимо, большой ошибкой объединить композиционно фигуру с кругом над головой «шамана». В пользу этого говорит однородный по глубине и ширине контур пробивки. Конечно, круг проще связать с солнцем, если бы не один вопрос: а почему бы это не признать за полную луну. Ведь, как известно, эта фаза играет важную роль не только в древних календарных исчислениях, но и в шаманских практиках. Круг – солнце/луна отравирован просто блестяще, и не только потому что это идеальный круг, но ему придана и легкая выпуклость, на ощупь он воспринимается как поверхность шара.

*Рис. 21. Фрагмент стелы. Съемка под
наклеенной микалентной бумагой.*

Руки у фигуры заслуживают особого внимания. Правая энергично выброшена в сторону, и через лишайник при проработке через микалент ощутимы широко раздвинутые пальцы. Пробивка здесь очень тонкая, но так и хочется сказать: а не шесть ли у героя пальцев. Такая патология (полидактилия) хорошо известна и описана в медицинской литературе. А такая исключительность естественно должна была

переводить человека в особый статус. Теперь о левой, не менее загадочной руке. Казалось бы, в ее гибком завершении легко увидеть лук, а точнее ритуальный лучок. Это сюжетно поставило шамана в ряд с опубликованным А. П. Окладниковым. Да и многими другими, например, из монографии, посвященной уникальному комплексу в национальном парке Таван Богд [4]. Но вот что особенно мешает поверить в наличие лука, так это его положение. Чаще всего лук подчеркнуто изображается по-боевому, видны его контур, тетива. Известно о размещении лука на поясе, а у описываемого «шамана» лук показан в горизонтальной плоскости, изобразительно и информативно в невыигрышном ракурсе. Тогда, может быть, это превращение руки в крыло. Шаман обращается в птицу и взлетает, и на эту идею хорошо работает смещение корпуса. Найти аналог позы несложно, и каждый, кто хотя бы раз видел соревнования монгольских борцов, конечно же, восхищался их «танцем орла» перед поединком.

Это канонический, идущий из глубокой древности танец, а поза борца – отношение головы к корпусу, согнутые в коленях ноги, пластичное, имитирующее движение взмаха крыльев орла, движение руки – все это, пожалуй, ближе к описываемому изображению.

Но не только изображением лука отличен этот рисунок от лучника из Хавцгайта и других подобных изображений. Он отличен тем, что передан контурной пробивкой, а фигура лучника тщательно выбита, судя по фотографии. Что стоит за этим приемом, можно высказать лишь в гипотетической форме – это разновременные стилистические образы. Или же за контурностью изображения стоит мысль о том, что камень, фон прозрачны для фигуры. Тогда может сложиться интересный сюжет. Камень, сплошь украшенный тамгообразными знаками, а значит уже сакрализированный, выделенный из профанной реальности, Иной, просвечивает через описываемую фигуру, то есть они с ним однородны, суть одно и то же. Тогда это не просто шаман, служитель культа, а часть самого культа, с явлением Божества. Описанные два рисунка – повод поставить задачи на будущее. Конечно, расчистка граней поможет в интерпретации и описании изображений. А если ставить более серьезные задачи, то, конечно, данный комплекс требует музеефикации и вполне достоин того, чтобы представлять его в качестве культурного наследия в Список Всемирного Наследия ЮНЕСКО.

Литература

1. Груздов Е.В. «Назад в будущее» (историософский взгляд на неоархаику) // Архаическое и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации: материалы всероссийской (с международным участием) научной конференции. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2014. – С. 197-199.
2. Гурьянова Г.Г. Сибирская неоархаика (историография явления) // Архаическое и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации: материалы всероссийской (с международным участием) научной конференции. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2014. – С. 199-203.
3. Изображение бизона [Электронный ресурс]. URL: <http://www.earthflora.ru/bizon.html>

4. Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – 639 с.
5. Ларичев В.Е. Прозрение: рассказы археолога о первобытном искусстве и религиозных верованиях. – М.: Политиздат, 1990. – 223 с.
6. Новгородова Э.А. Аршан-Хад – древнейший памятник изобразительного искусства Восточной Монголии // История и культура Центральной Азии. – М., 1983. – С. 306-310.
7. Новгородова Э.А. Древняя Монголия. – М.: Наука, 1989. – 384 с.
8. Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. – М.: Наука, 1984. – 168 с.
9. Ожередов Ю.И. Научно-исследовательский аспект сибирской «неоархаики» // Архаическое и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации: материалы всероссийской (с международным участием) научной конференции. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2014. – С. 216-220.
10. Окладников А.П. Древнейшие петроглифы Аршан-Хада (Монголия Хентей) // Пластика и рисунки древних культур (Первобытное искусство). – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 27-33.
11. Окладников А.П. Петроглифы Монголии. – Л.: Наука, 1981. – 228 с.
12. Окладников А.П., Васильевский Р.С. Новые исследования на Аршан-Хаде в Монголии // Изв. СО АН СССР. Серия Общест. наук. – 1982. – № 6. – Вып. 2. – С. 105-110.
13. Пэрлээ Х. Изучение монгольских народностей по родовым знакам (Опыт историко-этнографического исследования). На монг. яз. – Улан-Батор, 1975. – 270 с.
14. Сибирская неоархаика. Сборник материалов / отв. редактор В.Ф. Чирков. сост.: В.Ф. Чирков, О.М. Галыгина. – Новокузнецк: Изд-во «Сибирское искусство», 2011. – 122 с.
15. Чирков В.Ф. Сибирская неархаика (к вопросу о структурном и стилистическом анализе) // Архаическое и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации: материалы всероссийской (с международным участием) научной конференции. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2014. – С. 223-230.

Статья поступила в редакцию 04.09.2015 г.

DOI 10.25712/ASTU.2518-7767.2015.01.001

NEW PETROGLYPHS IN THE RASHAAN-HAD COMPLEX IN MONGOLIA

Shishin Mikhail Yuryevich
Art historian, member of the Russian
Academy of Arts, doctor of philosophy,
professor, Head of the International
UNESCO Chair of the Altai State Technical
University.
Russia, Barnaul.
shishinm@gmail.com

The article was written with the support
of the grant of the RHSF and the Ministry of
Science and Technology of Mongolia
«Paradigmatic similarities and differences in
the artistic culture of Russia and Mongolia:
philosophical, art history and linguocultural
analysis and its practical application»
No. 13-24-03003.

Abstract

The article presents some results of the study of the monument of the ancient art of Mongolia – Rashaan-Had (Arshan-Had). In particular, it describes the detection of the image of a bull and the "dancing shaman" on previously described rocks on the archaeological complex. Art criticism interpretation of images is offered, the offer on further research of a complex, its museumification +and representation in the List of the World heritage of UNESCO is made here.

Keywords: ancient art of Mongolia, Rashaan-had (Arshan-had), an image of a bull in primitive art.

Bibliographic description for citation:

Shishin M.Yu. New Petroglyphs in the Rashaan-Had Complex in Mongolia. *Iskusstvo Evrazii – The Art of Eurasia*, 2015, No. 1(1), pp. 10-24. DOI: 10.25712/ASTU.2518-7767.2015.01.001. Available at: <https://readymag.com/u50070366/416035/8/> (In Russian).

References

1. Gruzlov E.V. «*Nazad v budushchee*» (*istoriosofskii vzglyad na neoarkhaiku*) [«Back to the Future» (historiosophical view of neoarchaics)]. In: *Arkhaicheskoe i traditsionnoe iskusstvo: problemy nauchnoi i khudozhestvennoi interpretatsii* [Archaic and traditional art: problems of scientific and artistic interpretation]. Novosibirsk, Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, 2014, pp. 197-199.
2. Guryanova G.G. *Sibirskaya neoarkhaika (istoriografiya yavleniya)* [Siberian neo-archaic (historiography of the phenomenon)]. In: *Arkhaicheskoe i traditsionnoe iskusstvo: problemy nauchnoi i khudozhestvennoi interpretatsii* [Archaic and traditional art: problems of scientific and artistic interpretation]. Novosibirsk, Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, 2014, pp. 199-203.
3. Bison image. Available at: <http://www.earthflora.ru/bizon.html> (accessed 30.08.2015).

4. Kubarev V.D., Tseveendorzh D., Jacobson E. *Petroglify Tsagaan-Salaa i Baga-Oigura (Mongol'skii Altai)* [Petroglyphs of Tsagaan-Salaa and Baga-Oygur (Mongolian Altai)]. Novosibirsk, Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, 2005. 639 p.
5. Larichev V.E. *Prozrenie: rasskazy arkeologa o pervobytnom iskusstve i religioznykh verovaniyakh* [Insight: Archeologist's tales of primitive art and religious beliefs]. Moscow, Politizdat, 1990. 223 p.
6. Novgorodova E.A. *Arshan-Khad – drevneishii pamyatnik izobrazitel'nogo iskusstva Vostochnoi Mongolii* [Arshan-Khad – the most ancient monument of the fine arts of East Mongolia]. In: *Istoriya i kul'tura Tsentral'noi Azii* [History and Culture of Central Asia]. Moscow, 1983, pp. 306-310.
7. Novgorodova E.A. *Drevnyaya Mongoliya* [Ancient Mongolia]. Moscow, Nauka, 1989. 384 p.
8. Novgorodova E.A. *Mir petroglifov Mongolii* [The world of petroglyphs of Mongolia]. Moscow, Nauka, 1984. 168 p.
9. Ozheredov Yu.I. *Nauchno-issledovatel'skii aspekt sibirskoi «neoarkhaiki»* [The research aspect of the Siberian «neoarchaics»]. In: *Arkhaicheskoe i traditsionnoe iskusstvo: problemy nauchnoi i khudozhestvennoi interpretatsii* [Archaic and traditional art: problems of scientific and artistic interpretation]. Novosibirsk, Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, 2014, pp. 216-220.
10. Okladnikov A.P. *Drevneishie petroglify Arshan-Khada (Mongoliya Khentei)* [The oldest petroglyphs of Arshan Had (Mongolia Hentei)]. In: *Plastika i risunki drevnikh kul'tur (Pervobytnoe iskusstvo)* [Plastics and drawings of ancient cultures (Primitive art)]. Novosibirsk, Nauka, 1983, pp. 27-33.
11. Okladnikov A.P. *Petroglify Mongolii* [Petroglyphs of Mongolia]. Leningrad, Nauka, 1981. 228 p.
12. Okladnikov A.P., Vasilievsky R.S. *Novye issledovaniya na Arshan-Khade v Mongolii* [New research on Arshan-Khad in Mongolia]. *Izvestiya SB AN SSSR – News of SB USSR Academy of Sciences*, Series General. Sciences, 1982, No. 6, Issue. 2, pp. 105-110.
13. Perlee Kh. *Izuchenie mongol'skikh narodnostei po rodovym znakam (Opyt istoriko-etnograficheskogo issledovaniya)* [Studying of Mongolian nationalities by tribal signs (Experience of historical and ethnographic research)]. Ulaanbaatar, 1975. 270 p. (In Mongolian).
14. *Sibirskaya neoarkhaika. Sbornik materialov* [Siberian neoarchaic. Collection of materials. Ed. F. Chirkov]. Novokuznetsk, Siberian Art, 2011. 122 p.
15. Chirkov V.F. *Sibirskaya nearkhaika (k voprosu o strukturnom i stilisticheskom analize)* [Siberian non-archaic (to the question of structural and stylistic analysis)]. In: *Arkhaicheskoe i traditsionnoe iskusstvo: problemy nauchnoi i khudozhestvennoi interpretatsii* [Archaic and traditional art: problems of scientific and artistic interpretation]. Novosibirsk, Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, 2014, pp. 223-230.

Received: September 4, 2015.